Олеся Сагер



Закон загнанных

Олеся Сагер

Закон загнанных

«Автор»
2026

Сагер О.

Закон загнанных / О. Сагер — «Автор», 2026

Если система лишает тебя всего, ты сама становишься системой.
И палачом.Капитан юстиции Вера надеялась спрятаться в глухой провинциальной колонии. Сбежать от деспотичного бывшего мужа — влиятельного прокурора — и сохранить пятилетнюю дочь. Но здесь она встречает Вадима Волка. В диком, яростном взгляде заключенного, осужденного за убийство, Вера с содроганием узнает саму себя: такую же загнанную в угол, но не сломленную душу.Между ними — пропасть закона и колючая проволока. Но когда хозяин колонии начинает душную осаду Веры, именно этот «волчонок» становится её единственной защитой.За одну ночь у Веры отберут всё: мужчину, вернувшего ей способность дышать, и дочь. Когда закон оказывается ржавой шестеренкой в руках подонков, у нее не остается выбора. Страх исчезает. На его место приходит холодный расчет хищницы. Вера наденет маску покорной куклы, войдет в дом к чудовищу и сама взведет курок.

© Сагер О., 2026
© Автор, 2026

Олеся Сагер
Закон загнанных

Глава 1. Чужой город и первый взгляд

Серое небо этого города казалось набрякшим, тяжелым, словно грязная вата, пропитанная мазутом. Вера прижалась лбом к двойному оконному стеклу своего нового кабинета. Оно было ледяным, и от её дыхания на прозрачной поверхности мгновенно расплывалось мутное, влажное пятно. За окном расстилался глухой, выцветший мир исправительной колонии № 12, огороженный тремя рядами колючей проволоки, по которой змеились нити под напряжением.

Это было её третье утро в ИК-12, но казенная тишина кабинета до сих пор казалась чужой, искусственной. Вера перевела взгляд на обстановку: обшарпанный сейф в углу с полу отслоившейся зеленой краской, массивный письменный стол, покрытый сеткой мелких царапин, и два жестких деревянных стула для посетителей. На стене монотонно, с тяжелым пластиковым стуком отсчитывали время дешевые кварцевые часы.

Её появление в опер отделе колонии вызвало среди местных сотрудников глухое, настороженное недоумение. Вчера на утренней летучке оперативники — тертые, прокуренные мужики, годами не вылезавшие из лагерной рутины — разглядывали её с плохо скрываемым скепсисом. Столичная штучка, ухоженная, тридцатилетняя, с хорошими духами и безупречно отглаженным капитанским кителем. Они явно не понимали, какие грехи или глупость пригнали её в эту глушь, и шептались за спиной, проверяя её на прочность демонстративным игнорированием. Вера знала эту породу людей. Стоило проявить малейшую слабость, дать слабину в голосе — и система сожрет её, даже не поперхнувшись. Но её стержень, который они принимали за высокомерие, на самом деле был жестким психологическим корсетом, удерживающим осколки разбитой вдребезги жизни.

Внизу, на раскисшем от бесконечной осенней хмури плацу, с тяжелым, скрежещущим лязгом распахнулись железные ворота шлюза. Пыльный, потрепанный автозак, глухо рыча дизельным мотором, задом сдавал к зоне оцепления. Овчарки на коротких поводьях в руках конвоиров зашлись хриплым, захлебывающимся лаем. Они рвались вперед, пачкая лапы в жидкой грязи. «Кинематографично», — отрешенно подумала Вера, лениво следя за тем, как конвой рассредоточился по периметру. Только в кино нет этого въедливого, удушливого ощущения, которое сочилось, казалось, сквозь кирпичные стены здания — смеси дешевого табака, сырости, старой хлорки и застарелого человеческого страха.

Слова команд тонули в общем гуле колонии и собачьем лае, долетая до второго этажа лишь невнятным эхом. Вера вздохнула, отошла от окна, взяла со стола бланки первичных отчетов и вышла из кабинета. Ей нужно было спуститься на первый этаж, в дежурную часть, чтобы подписать обходные листы у начальника смены и забрать личные дела вновь прибывших по этапу.

Спустившись по крутой бетонной лестнице, на которой гулко отдавался стук её каблуков, она толкнула тяжелую железную дверь и оказалась в длинном, мрачном коридоре сборного отделения. Здесь стоял полумрак, густо пахло сырой шерстью шинелей, махоркой и потом. Вдоль серо-зеленой стены, расставив ноги на ширину плеч и заведя руки далеко за спину, уже стояла в ряд первая партия прибывших зэков. Лица опущены в пол, сумки-баулы брошены у ног. Два конвоира лениво переругивались у стойки регистрации, листая личные дела в картонных папках.

Вера шла мимо них, инстинктивно прижимая документы к груди. Для этих людей она была «кумом», элементом карающей системы, чужой и опасной. Осужденные держали головы

опущенными, как требовал устав, но когда она поравнялась с серединой строя, конвойный резко хлопнул папкой по столу и рявкнул:

— Волков! Лицом к инспектору, фамилия, статья!

Парень, стоявший чуть впереди, резко развернулся. Плечи под казенной курткой были широкими, а движения — собранными, пружинистыми, как у уличного пса, готового к прыжку. Ему было около двадцати четырех, но держался он особняком, словно выламываясь из этой серой, покорной массы.

Он поднял голову. Металлическая сетка ламп дневного света над ними сухо затрещала, мигнув мертвенно-белым светом.

Они оказались лицом к лицу — на расстоянии каких-то двух метров. Его взгляд полоснул по Вере с такой силой, что она едва не оступилась на скользком, стертом линолеуме. Это был тяжелый, из-под лба, взгляд абсолютно дикого, загнанного волчонка. В нем горела злая, первобытная ярость пополам с глубокой, застарелой обидой на весь мир. Парень смотрел прямо на неё, сквозь зубы чеканя:

— Волков Вадим Сергеевич. Сто одиннадцатая, часть четвертая.

Но среди этой колючей ненависти Вера вдруг отчетливо, с каким-то внутренним содроганием разглядела то, чего никак не ожидала увидеть у осужденного за жестокое убийство. Страх. Глубоко запрятанный, тщательно маскируемый за уличным гонором страх дикого зверька, которого обложили флажками. И этот страх был точно таким же, какой каждую ночь душил её саму с тех пор, как она сбежала из родного города. Они стояли в холодном коридоре, разделенные законом, формой и прошлым, но их взгляды сцепились мертвой хваткой. Вера поняла: этот парень видит её насквозь.

— Голову вниз, Волков! Смирно стоять! — конвоир грубо толкнул Вадима в плечо, заставляя отвернуться обратно к стене.

Вера с трудом заставила свои ноги двигаться дальше. Рука, сжимавшая документы, слегка дрожала. Она быстро расписалась в журнале дежурного, забрала папку с личным делом Волкова и почти бегом поднялась обратно к себе. В полумраке кабинета она долго стояла у двери, пытаясь унять неровный, болезненный стук сердца. Провинциальная колония встретила её не просто холодом. Она столкнула её с человеком, чей взгляд стал зеркалом её собственной загнанной души.

Дорога до съемной квартиры заняла не больше двадцати минут, но к тому моменту, как Вера повернула ключ в тугом, заедающем замке, город окончательно утонул в плотной, беспросветной темноте. Из прихожей пахло пылью, застоявшимся холодным чаем и старыми обоями — типичный сиротливый запах жилья, которое сдают наспех. На полу у стены грузно теснились три неразобранные картонные коробки, заклеенные скотчем. До них никак не доходили руки.

— Мама пришла! — Из глубины комнаты навстречу ей выбежал маленький, теплый вихрь.

Пятилетняя Аня с разбегу уткнулась Вере в колени, намертво обхватив их тонкими ручонками. От её мягких волос пахло детским мылом и яблочным печеньем. Этот чистый, мирный запах мгновенно, словно лезвием, отсек зоновское гнетущее ощущение, которое Вера принесла на форменном пальто.

— Привет, моя хорошая, — Вера опустилась на корточки, утыкаясь носом в детскую макушку и зажмуриваясь до боли. Напряжение в плечах, державшее её ломом весь день, немного отпустило. — Как ты? Бабушка Люба не обижала?

Соседка-пенсионерка, которую Вера наняла сидеть с дочерью, уже собирала свои вещи в коридоре, негромко отчитываясь: девочка поела суп, вела себя тихо, много рисовала. Вера вежливо кивала, отсчитывала мятые купюры, а сама не могла отвести взгляда от дочери.

Они поужинали на скорую руку простыми макаронами. Аня, весело болтая ножками на высоком стуле, рассказывала про новый детский сад, про то, что машинки там старые, но зато

воспитательница добрая и нарисовала ей солнце на ладошке. Вера слушала её голосок, и внутри разливалось тепло, смешанное с горькой, удушливой тревогой. Она поймала себя на том, что то и дело прислушивается к звукам за дверью — не шаги ли это? Не чужой, тяжелый шаг человека, который привык заходить без приглашения?

Каждый раз, смотря на большие, доверчивые глаза Ани, она видела в них смутное напоминание о бывшем муже, который едва не перемолол их обеих в труху. Влиятельный прокурорский чин не умел проигрывать. Когда Вера, устав от его ледяного, удушающего контроля и скрытой, расчетливой жестокости, подала на развод, он даже не повысил голоса. Он просто помешивал кофе в их огромной столичной кухне и не спеша цедил: «Ты уйдешь голая, Вера. А Анечка останется со мной. Суд решит так, как я скажу. Ты никто, обычная следовательская обслуга. Попробуешь дернуться — уничтожу».

Она не стала дожидаться суда. Собрала вещи за один час, пока его не было дома, забрала дочь и рванула на вокзал. Перевод в эту провинциальную колонию стал её единственной цитаделью. Затеряться в глухом райцентре среди лесов — вот и весь её план. Но страх, что однажды утром у двери появятся судебные приставы с его подписью и вырвут ребенка из рук, жил внутри неё как хроническая, ноющая болезнь.

Уложив Аню спать, Вера долго сидела на краю её кровати, поправляя одеяло и вслушиваясь в её ровное, спокойное дыхание. Только убедившись, что дочь крепко спит, она вышла на тесную кухню.

Она включила настольную лампу с треснувшим пластиковым абажуром. Желтый, колеблющийся свет выхватил из темноты обшарпанный кухонный стол и чашку с недопитым чаем. Из судейской кожаной сумки Вера достала пухлую картонную папку, которую унесла из кабинета под конец смены. Прокурорская проверка требовала пересмотреть дела осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. Но Вера знала, что взяла именно эту папку не только ради отчета.

На обложке значилось: «Волков Вадим Сергеевич. 2002 года рождения. Ст. 111 ч. 4 УК РФ».

Она открыла первую страницу. Из-под ржавой металлической скрепки на неё смотрела старая черно-белая фотография. На ней Вадиму было шестнадцать. Угловатые, недооформленные скулы, короткая стрижка «под машинку», испуганные, но абсолютно бешеные глаза. Взгляд дикого зверька, который будет грызть конвой зубами, даже если его зажали в угол.

Вера перевернула страницу и углубилась в сухие, канцелярские строчки протоколов.

«23 февраля… Осужденный Волков В.С., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в составе группы лиц по предварительному сговору…»

Бытовая, грязная трагедия, сломавшая несколько жизней. Четверо подростков отмечали праздник во дворах хрущевок. Из подъезда вышел сосед по коммуналке одного из парней — сорокалетний мужчина, тоже изрядно выпивший. Между ними завязалась перепалка. Мужчина, судя по показаниям, вел себя нагло, лез в драку первым. Но силы были равны ровно до тех пор, пока парни не повалили его на промерзшую, покрытую ледяной коркой землю.

А дальше начался коллективный психоз. Подростки теряли контроль, превращаясь в единую безжалостную стаю. Мужчину забили насмерть ногами и тяжелым обрезком трубы.

Вера начала вчитываться в цитаты из показаний свидетелей и подельников Вадима.

«...Волков кричал громче всех, что надо проучить этого козла. Когда тот упал, Волков первый начал бить его ногами по голове. Я испугался и отошел, а Вадим подобрал у забора кусок трубы и нанес несколько ударов...» — утверждал на допросе его приятель Серега, шедший по делу основным организатором. Все остальные подельники как один слово в слово повторяли эту версию, явно выгораживая себя. Они получили максимальные сроки, а Вадиму, как самому младшему малолетке, дали девять лет. Восемь из них он уже отсидел, превратив-

шись из угловатого подростка в жесткого двадцатичетырехлетнего мужчину. Остался ровно год до свободы.

Сам Вадим на допросах упорно молчал. Протоколы его очных ставок дышали глухим сопротивлением. Он не отрицал вину, не плакал, не просил пощады. Он просто твердил одну и ту же фразу, зафиксированную следователем: «Я там был. Что они говорят — их дело. Я всё сказал».

Профессиональное чутье старшего опера, наработанное годами, кричало Вере о том, что в деле есть фальшь. Слишком гладко подельники свалили всё на несовершеннолетнего, которому закон сулил меньший срок. Вадим рос без отца, мать — вечно пропадающая на дежурствах медсестра, парень был полностью воспитан улицей. Стал ли он соучастником по глупости, из-за стадного чувства, или в нем действительно жила эта темная, убийственная жестокость? Бил ли он сам? Это знал только он.

Она перевернула плотную страницу, и её взгляд наткнулся на совсем свежую выписку из спецчасти. Постановление о переводе из ИК-7, откуда Вадима доставили сегодняшним этапом.

Причина этапирования: «В связи с возникновением угрозы личной безопасности осужденного».

За этими казенными словами скрывалась жесткая тюремная правда. Из оперативной справки следовало, что на прежней зоне Вадим не примкнул ни к одной группировке, держался сам по себе, из-за чего в последний год начались серьезные стычки с местными блатными авторитетами. «Волчонок» огрызался, шел вразрез с местными воровскими правилами, не позволяя себя сломать или прогнуть. Когда ситуация дошла до критической точки и запахло поножовщиной, опер часть предпочла просто сплавить проблемного зэка от греха подальше — досиживать оставшийся год в другую колонию. К ним в ИК-12.

Вера закрыла папку. В тишине квартиры ей отчетливо вспомнился сегодняшний полумрак коридора. Его пружинистая, опасная походка и этот пронзительный взгляд. Взгляд человека, который за восемь лет в клетке научился защищаться от любого проявления человечности, но внутри остался смертельно напуганным мальчишкой.

Завтра в десять утра она вызовет его к себе на первый официальный опрос. Вера знала, что должна быть ледяной, жесткой и профессиональной. Между ними — пропасть. Она — закон. Он — осужденный убийца. Никаких поблажек.

Но почему-то, засыпая в холодной чужой постели, она продолжала чувствовать, как этот бумажный призрак из старого архивного дела прочно пускает корни в её мыслях, а перед глазами всё стоял его дикий, ищущий взгляд, так пугающе похожий на её собственный.

Глава 2. Первая дуэль

С утра колонию ИК-12 накрыл плотный, промерзший туман. Вера пришла в кабинет за час до назначенного времени. Ей нужно было одиночество, чтобы выстроить внутреннюю защиту. Она методично разложила на столе чистые бланки объяснений, проверила, хорошо ли пишет перьевая ручка, и трижды перечитала рапорт оперативного отдела ИК-7, прикрепленный к делу Вадима.

Казенная обстановка кабинета № 4 на цокольном этаже штаба давила своей простотой. Серо-зеленые стены, покрашенные въедливой масляной краской, узкое окно с тяжелой, покрытой ржавчиной решеткой, привинченный к полу металлический стол. В таком месте сложно оставаться человеком — здесь всё было создано для того, чтобы ломать, допрашивать и фиксировать чужие падения. Вера поправила жесткий воротничок кителя, ощущая, как ткань слегка натирает кожу. Ей было тридцать, она видела сотни заключенных, но перед этим вызовом внутри нее росло странное, неосознанное волнение.

Методичный стук настенных часов замер на отметке «десять». В тот же миг в дверь требовательно постучали.

— Войдите, — сухо произнесла Вера, мгновенно выпрямляя спину и принимая позу холодного, непробиваемого оперативника.

Дверь отворилась с глухим, металлическим скрежетом. Рослый сержант конвоя завел Вадима. Конвоир, выполняя странный, категоричный приказ начальника колонии, не просто снял с Волкова наручники, но и сразу сделал шаг назад, к выходу.

— Капитан, осужденный доставлен. Оставить вас? — сержант удивленно зыркнул на Веру.

— Да, сержант. Заприте дверь снаружи и подождите в конце коридора. Это распоряжение полковника.

Сержант молча кивнул. Тяжелая дверь захлопнулась, щелкнул тугой замок. Вера осталась один на один с осужденным Волковым в абсолютной, звенящей тишине.

Она намеренно не поднимала глаз, уткнувшись в бумаги. Это был классический следственный прием — заставить человека стоять в казенном кабинете, чувствовать неловкость, осознавать свою ничтожность перед лицом Системы. Вера ждала, что парень начнет переминаться с ноги на ногу или займет оборонительную позицию. Но Вадим играть по её правилам не собирался.

Послышался резкий, глухой скрип ножек тяжелого деревянного стула. Парень без приглашения отодвинул его и спокойно сел напротив неё.

Вера медленно, с ледяным выражением лица подняла голову.

Вадим сидел, откинувшись на жесткую спинку, широко расставив колени. Его серые лагерные брюки были испачканы внизу сухой промзоновской пылью, на груди белела казенная нашивка с блеклыми буквами: «Волков В.С. 4 отряд». Но то, как он держался, полностью ломало тюремную иерархию. Он не сутулился, не прятал взгляд. Напротив, его глаза — серые, холодные, как лагерный плац под дождем — сканировали её с пугающей скоростью. Угловатое лицо, жесткая линия челюсти и старый белый шрам, рассекающий левую бровь.

— Волков, я не разрешала вам садиться, — Вера положила ладони на стол, стараясь, чтобы её голос звучал как металл.

— А я не гордый, гражданка начальник, могу и без приглашения, — Вадим коротко, зло усмехнулся. Голос у него был низкий, с легкой уличной хрипотцой. — У меня ноги со сборки затекли. Шесть часов в железном «стакане» автозака — удовольствие ниже среднего. Так зачем звали? Для профилактических бесед у меня есть отрядник. А если оперативников из семерки интересуют мои старые дела, так я им всё еще там сказал.

Вера почувствовала, как внутри закипает раздражение. Эта дворовая уверенность парня, который провел в тюрьме восемь лет и разучился бояться офицерских погон, выбивала её из колеи.

— Вы находитесь в кабинете оперативного отдела не для того, чтобы демонстрировать мне свой характер, — Вера открыла картонную папку, демонстративно перелистнув страницу. — Из ИК-7 пришло ваше личное дело. В связи с плановой прокурорской проверкой дел, совершенных несовершеннолетними, мне поручено провести повторный опрос. Нам нужно уточнить детали событий 23 февраля.

Вадим резко переменился в лице. Ухмылка мгновенно испарилась, скулы обтянулись, а взгляд стал абсолютно непроницаемым, колючим.

— Нечего там уточнять, — отрезал он, подаваясь немного вперед. Жесткие ладони, покрытые мозолями от работы с металлом, свободно легли на край стола. — Всё в приговоре написано. Девять лет. Восемь отсидел, один остался. Я свою пайку честно отрабатываю, законов на зоне не нарушаю. Чего вам еще надо?

— Волков! Держите дистанцию и следите за языком, — Вера с силой захлопнула папку, нарушая собственное правило не поддаваться эмоциям. — Я могу оформить рапорт за оскорбление сотрудника, и твой оставшийся год превратится в два. Ты этого хочешь? Ты в шестнадцать лет ногами забил человека до смерти. Ты и твоя банда. Ты читал показания своих друзей? Они все утверждают, что именно ты нанес первый удар обрезком трубы.

Она ждала, что он начнет злиться, отрицать или замкнется в глухой лагерной «несознанке». Но Вадим сделал то, к чему она оказалась совершенно не готова. Он не отвел глаз. Он пристально, почти физически осязаемо впился взглядом в её лицо. Он смотрел на её безупречно отглаженный воротничок, на дорогие золотые часы на запястье, на уложенные волосы, а потом перевел взгляд выше. Прямо в её зрачки.

Между ними словно протянулся оголенный провод. Вера замерла, чувствуя, как сердце совершило бешеный кульбит в груди.

— А вы ведь не из-за дела меня вызывали, Вера... как вас там по батюшке? — тихо, почти интимно произнес Вадим. В его голосе больше не было зоновского гонора, осталась лишь пугающая, звериная проницательность.

— Волков, не заговаривайтесь... — попыталась перебить его Вера, но голос предательски дрогнул.

— Нет, вы послушайте, — Вадим оперся локтями о стол, сокращая расстояние между ними до минимума. Теперь она видела крошечную родинку у него возле уха и то, как ходят желваки на его щеках. — Вы сидите тут такая чистенькая, ухоженная, дорогая. Спину держите, голос строгий включаете, рапортами меня пугаете. А у самой руки дрожат, когда вы страницы переворачиваете. И глаза...

Он сделал короткую паузу, удерживая её взгляд мертвой хваткой.

— У вас глаза точь-в-точь как у меня, когда меня конвой в ШИЗО волок в первый раз, — почти шепотом закончил Вадим. — Взгляд загнанного звена. Вы озираетесь так, словно ждете удара в спину каждую секунду. Вас ведь на воле кто-то очень сильно прижал, гражданка начальник. Да так, что вы сюда, в этот зверинец, сбежали прятаться. Кто вас так напугал?

Эти слова ударили Вере в грудь с силой хлёсткой пощечины. Маска холодного, непробиваемого оперативника, которую она так тщательно выстраивала годами, осыпалась мелкой крошкой. Перед глазами на секунду вспыхнуло лицо бывшего мужа, его ледяной голос на московской кухне: «Ты никто, Вера... Уничтожу».

Этот зэк, пацан с уличным прошлым, за пять минут раскусил её главную тайну. Он считал её страх, её изоляцию, её надлом. Он увидел в ней не Систему и не Закон. Он увидел в ней сестру по несчастью — такого же загнанного в угол волка, как и он сам.

Вера почувствовала, как к горлу подступает удушливая волна. Рука инстинктивно потянулась к воротничку, пальцы запутались в ткани кителя. Ей нужно было восстановить контроль, нужно было накричать на него, вызвать конвой, но она могла лишь молча смотреть в его серые, понимающие глаза, чувствуя, как между ними, вопреки здравому смыслу и присяге, рождается первая, страшная и абсолютно неизбежная связь.

Глава 3. Липкая осада

Резкий, пронзительный скрежет замка заставил Веру вздрогнуть. Железная дверь кабинета распахнулась, и рослый конвоир грубо приказал Вадиму на выход. Парень поднялся — медленно, пружинисто, ни на секунду не разрывая их зрительного контакта. У самой двери он на долю секунды притормозил, окинул её еще одним тяжелым, понимающим взглядом и переступил порог.

Когда шаги конвоя стихли в глубине коридора, Вера обессиленно опустилась на стул. Напряжение, державшее её все эти тридцать минут, рухнуло, оставив после себя глухую физическую слабость. Она закрыла лицо руками. Ладони были ледяными, а щеки, напротив, горели.

«Он всё понял. Обычный зэк считал меня как открытую книгу», — панически билось в мыслях. Ей, старшему оперуполномоченному с безупречным послужным списком, потребовалось почти десять минут, чтобы заставить себя сделать глубокий вдох, расправить плечи и вернуть лицу казенное, непроницаемое выражение. Она со стуком захлопнула картонную папку с делом Волкова и резко сдвинула её на самый край стола, словно пытаясь откреститься от этого бумажного призрака.

В этот момент дверь её кабинета снова отворилась. На этот раз — без стука.

На пороге стоял начальник колонии, полковник Игорь Николаевич.

Ему было около сорока пяти, и в этом сером, забытом богом райцентре он выглядел как инородное тело. Безупречно подогнанный по фигуре парадный китель, дорогие золотые часы на широком запястье, аккуратная, ухоженная бородка с легкой, стильной проседью. В его осанке, во властной, неторопливой походке сквозило абсолютное, ничем не ограниченное превосходство. Игорь Николаевич не просто руководил исправительным учреждением — он правил этим краем. Ему безропотно подчинялись местные суды, полиция и весь районный бизнес.

— Ну как обустроилась наша столичная гостья? — полковник прошел вглубь кабинета, мягко шагая по стертому линолеуму. Он небрежно бросил на край стола Веры увесистый пакет из дорогого кондитерского магазина. — Вот, к чаю взял. Наша местная пекарня, но делают под заказ, не хуже, чем в лучших кофейнях Москвы.

— Спасибо, Игорь Николаевич, — Вера поднялась со стула, как того требовал строгий устав, но начальник небрежным жестом руки приказал ей сесть, а сам вальяжно опустился на тот самый стул, где только что сидел Вадим.

Контраст между двумя мужчинами был разительным, почти осязаемым. Вадим сидел как загнанный, но смертельно опасный хищник в клетке — собранный, напряженный, готовый в любой миг совершить прыжок. Игорь Николаевич располагался здесь как полноправный владелец этой клетки, сытый и уверенный в своей безнаказанности. Он положил тяжелые локти на металлический стол, сцепил холеные пальцы в замок и пристально, масляно посмотрел на Веру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.